

18+

Владимир Тренин

ИСЦЕЛЕНИЕ ИНЖЕНЕРА ПОГОДИНА

Повесть



Владимир Тренин

**Исцеление инженера
Погодина. Повесть**

«Издательские решения»

Тренин В.

Исцеление инженера Погодина. Повесть / В. Тренин —
«Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Больной и одинокий инженер Сергей Погодин бросает
работу и вкладывает все накопления в долгий отпуск на море. Там, благодаря
странной случайности, он излечивается от хронического недуга и получает
удивительные способности. С этого момента жизнь Сергея меняется навсегда:
он находит любовь, но тут же сталкивается с безжалостным врагом. Книга
содержит нецензурную брань.

© Тренин В.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Исцеление инженера Погодина Повесть

Владимир Тренин

© Владимир Тренин, 2026

ISBN 978-5-0070-5217-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

*Положишь намерение,
и оно состоится у тебя,
и над путями твоими будет сиять свет.
Книга Иова 22:28*

В старом здании аэропорта не работали кондиционеры, остановился механизм багажной карусели и пылинки медленно плыли в душном густом воздухе. Люди шёпотом переговаривались, нервно обмахиваясь пластиковыми папками и файлами с билетами и отельными ваучерами. Некоторые дамы вытащили из ручной клади расписные сувенирные веера, и круг ожидающих гостей всё больше напоминал скучающее провинциальное дворянское собрание.

Вовремя заскрипевшие шестерёнки сняли напряжение в атмосфере, оживился народ, конвейер тронулся, а грудь зудела ещё сильнее и нестерпимее под прилипшей рубашкой. Время шло. Сергей еле сдерживался, чтобы не расчесать себя, разодрать в клочья кожу на распаренном теле, пытаясь отвлечься, разглядывал изнывающих от жары пассажиров, жадно всматривающихся в окно подачи багажа. Туда, под резиновую заслонку, уползала бесконечной чёрной змеей лента транспортёра и оттуда же выезжала, безнадёжно пустая.

По всем расчётам, уже минут с десять, как должны были вынырнуть долгожданные сумки и чемоданы, у экономных практиков заботливо обмотанные плёнкой, а у фаталистов, без страха отправляющих свой пляжный груз в неведомое, багаж выкатывался просто так, в первозданном неупакованном, и у некоторых — весьма потасканном виде. Наконец показался первый розовый детский баульчик.

— Ура! — закричала девочка лет десяти и бросилась от родителей к своему сокровищу, папа с мамой с улыбкой переглянулись.

Люди, почуяв добычу, двинулись ближе и сомкнули ряды вокруг ленты с выезжающими вещами.

Сергей томился в сторонке, он никуда не торопился и был совершенно свободен не только до пятницы, но и на всю оставшуюся жизнь. Неженатый, бездетный мужчина далеко за тридцать, небритый, тёмно-русый, с чётко оконтуренной линией живота, пока ещё не очень выпуклого, где-то в скромных пределах между валдайскими холмами и плавными контурами южно-уральских предгорий. Внимательный человек, или дерматолог, обратил бы внимание на пятна экземы на кистях и шее, тщательно скрывааемые застёгнутым воротником и длинными, не по погоде, рукавами рубашки. Кожный недуг вне одежды был еле заметен, но, видимо, причинял большое неудобство Сергею, периодически одёргивавшему руки от влажной ткани на груди и предплечьях, закрывающей шелушащиеся кумачовые островки и материки дермы, раздражённые горячим потом. Под серо-голубым хлопком скрывалась трагедия, ломающая жизнь и порождающая чёрную едкую глубокую рану, отравляющую жизнь человека, источник душевных метаний, называемый комплексом неполноценности, из-за которого индивидуумы становятся либо великими творцами, государственными деятелями и спортсменами, либо законченными социофобами.

Сергей много страдал в подростковом возрасте, терпел брезгливое отношение окружающих, всё выдержал, не впал в крайности агрессии, не наложил на себя руки и смог остановиться где-то посерединке, став хорошим, но очень стеснительным инженером.

Он выехал в отпуск впервые за свою жизнь, вернее, это был даже не отпуск, а двухмесячная передышка перед поиском новой работы.

Сергей долгое время трудился в большой фирме по установке вентиляции, очень ценился начальством как человек работающий и исполнительный. В годы строительного бума торговые

комплексы занимали места заводов и в любом маломальском областном центре признаком хорошего тона считалось наличие нескольких новых трёхэтажных магазинов, где по выходным гуляло открыв рот местное население, безоглядно тратя последние гроши, оставшиеся после оплаты ипотеки, автокредита и прочих займов.

Добросовестный работяга, он по долгу службы посещал множество городов, поначалу даже покупал магнитики с достопримечательностями на каждом новом месте, где контролировал монтаж вентиляционных систем в супермаркетах и элитных жилых домах, но когда на двухметровом холодильнике не осталось свободных островков, бросил это занятие. Неплохо зарабатывал, купил квартиру в новостройке, а свободное время посвящал фильмам и компьютерным играм. Бывало, Сергей собирал волю в кулак, пытался завести отношения с противоположным полом, и даже пару раз ему назначали свидания. Очень нервничал, кожный недуг усугублялся, пятна вылезали на лицо, и он не приходил, сославшись на занятость. Со временем инженер оставил попытки найти свою любовь и ограничил социальные контакты вне работы.

У него имелся опыт общения с девушками «по вызову». Обычно в пьяном угаре он заходил на определённые сайты, долго выбирал кандидатуру на вечер, ждал и часто передумывал. Запирался, не отвечал на звонки и стуки в дверь. Если всё-таки желание преобладало и девица была допущена до тела, кстати, никогда не приезжали дамы с фотографий, указанных в анкете, всё происходило быстро, без поцелуев и прелюдий, по-деловому, единственным положительным моментом во встречах за деньги была необязательность раздевания. Ситуация изменилась после того, как Сергей отметил тридцатилетие, получив от праздника не только грязно-подломерзкие воспоминания, но и подарок в виде колонии бактерий *Treponema pallidum*. Он запомнил на всю жизнь укоризненно-саркастический взгляд и слова венеролога, осматривающего кожные высыпания: «Вам, сударь, с хроническим нейродермитом в такой тяжёлой форме, недоставало именно щепотки спирохет, это как вишенка на торте, именно то, что нужно». С тех пор физиологические потребности он удовлетворял самостоятельно, старым проверенным способом, включая память и воображение.

«Главное в жизни — это работа» — таков был жизненный принцип Сергея. Работа, работа, работа, и... на горизонте, как мираж, растворялась, мерцала и уплывала в небытие пенсия. Он уже и не думал дожить до неё, какие, право, глупости. Хотел, как и все, накопить денег, купить дачу, зачем — не знал, но уж никак не тратить последние средства на какие-то отпуска, юга... однако за последние полгода его размеренная жизнь круто поменялась.

Всё началось с новогоднего, обязательного для всех сотрудников, тимбилдинга на тематику американской глубинки: шерифы, ковбои, лесорубы, прочие реднеки. В прошлом году была испанская вечеринка — мужчины вырядились тореадорами, а шеф пришёл в сомбреро, все втихую угорели, когда дотошный старый и уже крепко поддатый главспец докопался до начальника, почему шляпа — не по делу, ведь «сомбреро» это мексиканская тема, а не испанская...

Каждый раз повторялась одна и та же ерунда. В конференц-зале накрыли столы в форме буквы «П», освободили место для танцев и конкурсов. Во главе восседал директор — Андрей Петрович, справа — его любовница и немного секретарша, симпатичная хохотушка Лерочка, сменившая бывшую пассиву и по совместительству главбухшу Наталью Ивановну, сердито косившуюся на свою молодую соперницу из-за правого плеча обожаемого начальника. За ней главный специалист Михалыч в ковбойской шляпе разливал водку, не дожидаясь команды. На административной перекладине помещалась ещё начальница отдела кадров и завхоз, а дальше, у ножек буквы «П», весь остальной коллектив — от ведущих инженеров, проектировщиков, минуя сметчиков и айтишников, до простых монтеров-установщиков. Сергей сидел с краешка, с работягами, и первую рюмку опрокинул ещё до начала торжественной части и собственно тимбилдинга. Как же он ненавидел это слово — «тимбилдинг», — фальшь дебильных эстафет и веселье по команде!

Короче, он успел «накидаться» в рекордное время, клевал носом, упустил из виду пронзительные моменты единения коллектива и пришёл в себя, только когда включили громкую музыку. Погасили свет, начались танцы. Веселье было в самом разгаре, и Сергея, как всегда, никто не замечал. Он встал, покачиваясь, вышел из зала в темноту и на ощупь двинулся к себе в кабинет, за курткой. Вдруг кто-то, перестукивая каблуками, догнал его и закрыл глаза мягкими маленькими ароматными ладошками:

— Давай где-нибудь по-быстрому, — тихонько прозвенел девичий голосок.

Свеженькая, пьяненькая и хихикающая Лерочка, в коротком платьишке чирлидерши, но почему-то в туфлях, а не в кроссовках, бросилась ему сзади на шею. Он протрезвел от неожиданности, почувствовал себя могучим Кинг-Конгом, ворующим красивую пленницу. Увлёк её по тёмным коридорам, пытался открыть кабинеты, наконец, решился и выбил ногой ближайшую дверь, оказавшись в отделе выпуска проектов с серебристыми плоттерами по стенам и большим столом посередине, заваленным чертежами, куда он и кинул свою покорную добычу. Лера не сопротивлялась и призывно раскинула ноги, черкнув по щеке Сергея острой шпилькой.

Он ошалел: «Ведь все, оказывается, так просто!» Она не замечала его все это время, цокала мимо, а он-то ей нравился, да ещё как! Сергей лихорадочно расстёгивал одной рукой ширинку, другой шарил по её вздрагивающему телу.

— Подожди, Андрюша, не торопись, давай я сделаю, как ты любишь...

Онемевший инженер не успел ей сказать, что это ошибка и он никакой не «Андрюша», как покатились на пол бумажные рулоны формата А1, Лера шустро соскочила со стола:

— Ой, да ты дрожишь, Андрюшенька, и какой ты сегодня твёрдый.

Светлая её голова замелькала в темноте, где-то там и признаваться было поздно, а по правде, Сергеем уже и не хотелось отрываться секретаршу от важного дела.

Закрыв глаза и глядя Леру по мягким кудрям, он взлетел высоко-высоко, пока не ударился затылком об чёрное беззвёздное небо, тело его содрогнулось и что-то со вспышкой и звоном лопнуло в мозгу.

— Что, сука, здесь происходит? — рыкнул за спиной возмущённый голос.

Сергей зажмурил глаза от внезапного яркого света дневных ламп и инстинктивно потянулся за спущенными штанами, но никак не мог и нащупать их там, внизу, на новых, по случаю купленных, блестящих ботинках.

Лера, вытирая рот, разглядев под мятыми краями клетчатой рубахи незнакомые белые колени и бедра, обсыпанные красными шелушащимися пятнами, отпрянула в ужасе, шлёпнувшись с корточек на пятую точку.

— Б...! — Обычно Сергей не ругался матом, но нехорошее слово протяжно и громко вырвалось, когда он обернулся и увидел директора АО «Бриз», предприятия по проектированию и установке вентиляционных систем, — Андрея Петровича Порывайло, хорошего семьянина и отца троих детей, кстати, старшей его дочери Машеньке было примерно столько же лет, как и ласковой Лерочке.

— Андрюшенька, это не то, что ты думаешь, это ужасная ошибка! — заголосила секретарша, вскочила и бросилась к стоявшему у двери красномордому брюнету с седыми висками.

Сергей присел, изловчился и, наконец, дотянулся до брюк.

— Ты, сикуха, бегом ко мне в кабинет, вымойся и зубы почисти... быстро, я сказал! — заорал «Андрюшенька» и дал секретарше подзатыльник. Она визгнула, словно нашкодившая домашняя собачка, и прошмыгнула мимо, звонко дробя острыми каблучками по тёмному коридору.

— Погодин, мать твою! ... Уволен! — он грозно посмотрел на своего лучшего работника, который шатался и безуспешно пытался затолкнуть непослушные полы блузона за пояс. Андрей Петрович только сейчас обратил внимание, что на Сергее рубаха точь-в-точь, как и

на нём: «Говорят, крупная клетка, цвета курток американских лесорубов, like a lumberjack, — последний писк моды будущей весной», — так говорила директору жена, учительница английского в советском прошлом, доставая сегодня утром из гардероба новую сорочку. «Б-л-и-и-н, нехорошо получилось, Лерка — дурёха, ну как так-то: где я, а где этот обсос? „Клетка — писк сезона“, твою же мать», — сокрушался про себя Андрей Петрович, а вслух продолжал нагоняй:

— Вот ведь, пьянь лимитная, я же тебя вырастил, на груди сироту пригрел, забыл, как после института перебивался? Всё, что у тебя есть, только благодаря мне!

— Да фиолетово, ваще... посмотрим, как вы тут без меня своё говнище разгребёте, благодетель хренов, — буркнул Сергей, отрываясь от своего туалета.

— Ишь, как заговорил. Тихий, тихий, а туда же. Заявление после праздников напишешь.

Сергей закончил ковыряться в пуговицах, увидел бумагу на полу, стал поднимать рулоны, наводить порядок в кабинете.

— Иди, проспись, — будто что-то припоминая, тоном ниже сказал Андрей Петрович и взялся за дверную ручку, посмотрев на вывернутый замок, добавил: — Не возместишь траты за ремонт — трудовую не получишь.

Кружился разноцветный багаж, люди забирали своё, толпа таяла, а чемодан Сергея всё никак не появлялся.

«Вдруг потерялся? Улетел мой новенький чемоданчик куда-нибудь в Монтевидео или Антананариву и будет там крутиться один-одинёшенек на бесконечной равнодушной ленте, пахнущей ананасами, бананами... или апельсинами», — усмехнулся он про себя, «цитрусовые» врач запретил ему как смертельную угрозу. Документы, деньги, самые ценные вещи — очки, футляр для линз, нетбук, съёмный жёсткий диск с любимыми фильмами, фотоаппарат, зарядные устройства — лежали в небольшом старом, но крепком рюкзаке, с которым он никогда не расставался, постоянном спутнике в командировках, о рубашках же, летних брюках и трусах в полупустом чемодане он не очень беспокоился. «Если что, плавки на месте куплю, много ли мне надо в такую жару?»

Резиновая толстая занавесь в окне оттопырилась, и на багажный транспортёр нехотя выключнулся, а потом медленно, неловко перевалился знакомый синий пластиковый кейс с блестящими колёсиками.

«Всё в порядке, а ты боялся», — Сергей подхватил свой чемодан с ленты и направился к выходу, минуя назойливых бомбил:

— Такси, такси, такси. Мужчина, вам куда?

Двери аэропорта неохотно разошлись, и волна сухого жаркого воздуха приняла его в свои объятия:

«Как хорошо! Так-то лучше, не душно и для кожи полезно».

После новогоднего скандала обострился нейродермит — его проклятие с подросткового возраста. Краснота переползла на лицо, под волосы, зудящие места разрастались, набухали и наполнялись желтоватой сукровицей.

Кожа, кожа! Иногда, в трудные моменты, он думал, каким бы был человеком, если бы не болел. Ходил бы в тренажёрный зал, гулял бы летом в футболке с короткими рукавами. У кого-то мечтой была покупка мопеда, а Сергею снилось, как он раздевается на пляже и фланирует, такой красивый, загоревший, мимо девчонок и парней.

— Представляешь, как, наверно, круто гулять в майке с голыми плечами и открытой шеей, — говорил он отражению в зеркале, с грустью рассматривая свою безнадёжно уродливую оболочку.

Многим не понять, но особенно в трудные минуты, в подростковом периоде, он точно был готов на сделку с дьяволом, душу в обмен на здоровую, чистую кожу! Но где этот дьявол, кто-нибудь видел его?

«Сифа», «зараза», «чесоточный» — милые прозвища одноклассников и косые взгляды педагогов, физкультура в рубашке с длинным рукавом, долгие споры с учителем: «Почему не по форме?», а ты говоришь, что забыл футболку, ага — «забыл».

В десятом он влюбился в девочку из параллельного класса, и в один день ему показалось, что она посмотрела на него. Он не спал, всю ночь ворочался, чесался как безумный. Утром, увидев сына, мама ахнула. Голова подростка, как сплошная набухшая болячка, волосы, мокрые от сукровицы, кожа в бляшках, размером с ладонь, мало того, начался фурункулёз, за ушами и в паху набухли лимфоузлы, всё тело его превратилось в зону площадного животного вулканизма. Моральные переживания активизировали скрытые тектонические процессы, болезнь, сдерживаемая таблетками и мазями, обрушилась со всей мощью на взрослеющий организм. Сергею страшно было видеть себя в зеркале, в то время, когда очень хотелось нравиться девушкам, он выглядел как монстр.

Врачи не могли ничего поделать, он несколько недель обследовался у различных экзотических специалистов, никто ничего не мог точно сказать. Только один старый доктор предположил и был прав:

— Наш юноша влюбился. Советую успокоиться, воздержаться от переживаний и ни в коем случае не влюбляться, тем более безответно, тогда вы можете притормозить демонов своей эндокринной системы.

Со временем болезнь отступила, высохли язвы и поредели волосы на голове, появился страх перед обострением и не осталось даже малой толики надежды на полное выздоровление.

Новый год после злосчастного корпоратива инженер Погодин встретил дома в одиночестве. Он перебирал в уме подробности произошедшего на вечеринке и впал в состояние то ли полусна, то ли вялого бодрствования, напичканный успокаивающими антигистаминными препаратами и обмазавшись гормональной мазью.

«Зачем пошёл? Не хотел же!»

Открыл новую упаковку таблеток и включил телевизор. На нескольких каналах показывали концерты, с небольшой разницей в декорациях, но лица одни и те же, стареющие актёры и певцы, похожие на уставших клоунов, и напудренные старухи, со стянутыми лицами и вымученными улыбками, изображают приторное невесёлое веселье в перерывах между песнями о великой любви.

Он нашёл документальную передачу, как в австралийском буше старатели ищут золото с помощью металлоискателей. Интереснее смотреть на настоящие неподдельные эмоции, а не на пластмассовые вымученные шоу.

На десятый день года, уняв душевную боль и немного успокоив кожу, он пришёл на работу, прежде чем зайти в «кадры», прибрался на рабочем столе, выкинул лишние бумаги, хотел отцепить дорогую клавиатуру, купленную за личные деньги, но плюнул, оставил, решил не мелочиться. Из ценных вещей в выдвижном ящике нашёл бархатную коробочку с серебряными ручками, подарок на тридцатипятилетие, сунул в карман, встал, огляделся: «Вроде всё».

В коридоре увидел секретаршу Лерочку, «блин, развернуться», но было поздно. Она уверенно шла навстречу, неотразимая и улыбочивая.

«Как они это делают, после всего, что было, почему краснею я, а не она? Наверно, заработала прощение у своего повелителя», — подумал он.

Секретарша обратилась к нему:

— Сергей доброе утро, Андрей Петрович просил вас зайти.

— Доброе, хорошо, зайду, — он стоял и смотрел вслед длинным ногам. «Да, красивым людям можно всё... я бы тоже не держал зла на эту девочку».

Он стукнул по двери начальника и, не дожидаясь разрешения, вошёл, определённо в скромном инженере что-то сломалось.

— Здравствуйте, звали меня?

Андрей Петрович сидел за большим столом из тёмного дерева:

— Здравствуй, Сергей, да, звал, присаживайся, — он кивнул в сторону дивана.

Сергей живо представил обнажённое бледное тело Лерочки на коричневой коже:

— Я постою.

— Как хочешь... Такое дело... мы с тобой давно знакомы, инженер ты хороший, не отнять, — чувствовалось, что директору тяжело давались эти слова. — Здесь ты сложился как специалист, благодаря моей фирме, работе, ты встал на ноги, заработал на квартиру, обставил, как у людей с достатком. Я подумал...

— Андрей Петрович, — перебил начальника Сергей. — Вы вроде пожилой человек, много чего повидали... и туда же: квартира, дача, машина, телевизор... магнитофон, ещё скажите... вы серьёзно считаете приобретение вещей и земельных участков — достижением?

Услышав словосочетание «пожилой человек», начальник слегка поморщился:

— А что, по-твоему, достижение? — он с сочувствующей улыбкой смотрел на Сергея.

— Не знаю... Открытие чего-то нового, эмоции, увлечения... я, кроме этой работы, ничего другого в жизни не видел, и согласитесь, Андрей Петрович, тоже кое-что для вашей конторы сделал, — раздражённо сказал Сергей.

— Короче, я решил тебя не увольнять. Работай. Планируется большой объект за Уралом, командировка на три месяца, и ты нам будешь нужен.

«Заливай, нужен я вам, дураков просто нет безотказных, чтобы на дальнем кордоне, за минимальный прайс, всю весну сутками впахивать», — подумал Сергей.

— Хорошо, Андрей Петрович, будем работать, — кивнул он и повернулся к двери.

— Ещё прошу не распространять информацию про новогоднюю... кхм... так сказать, случайность, — и без того красные щёки начальника, покрытые куперозной сеткой, побагровели ещё больше.

— Конечно, Андрей Петрович, честно говоря, мне некому рассказывать, да я и не помню толком ничего, — сказал Сергей, закрывая дверь.

Инженер Погодин возвращался в свой кабинет, усмехаясь про себя: он до мельчайших оттенков и подробностей записал на свой мысленный жёсткий диск всё то, что случилось между плоттерами в кабинете отдела выпуска проектов в горячий вечер корпоратива. Сергей ценился на работе не только за свой опыт, безотказность и знания, он мог вспомнить всё: подробности старых отчётов, воспроизвести утерянные чертежи, схемы и ведомости. Инженер восстанавливал в сознании события, цвета и запахи. Да, да, и запахи, особенно связанные с детством. Он хранил в голове благоухание свежескошенной травы, ароматы хлеба и навоза, резкую вонь посылки со стухшей рыбой, присланной летом с Севера заботливым дядей, не рассчитавшим меняющуюся температуру воздуха с широтой и черепашью скорость отечественной почты, страшный сладковатый дух, исходящий от чёрной мёртвой ноги парализованной, но ещё живой бабушки.

Особенно маленький диатезный Серёжа любил прижаться ко лбу телёнка и вдыхать тёплый уютный ни с чем не сравнимый букет, настоящий на сене, парном молоке и любви. Любви, которой так ему не хватало.

Он вернулся в кабинет, переложил ручки из кармана в ящик, долго смотрел на чёрные широкие экраны выключенных мониторов.

Новое, тревожное и в то же время радостное чувство холодком по раздражённой коже двигалось к позвоночнику и голове, в нём зрело дотоле незнакомое ощущение внутренней свободы. В те пасмурные зимние дни он задумал бегство.

Перед командировкой, покопавшись в сети, Сергей нашёл дорогой для него отель, с полным пансионом, зато в красивом месте, прямо у моря, со своим пляжем и вдали от населённых пунктов.

Он написал туда по указанному на сайте электронному адресу, определив в письме срок пребывания — «два месяца» — и, похоже, удивил администраторов. Обычно люди уезжают на десять дней, максимум три недели. Ему сделали двадцатипроцентную скидку, и даже после этого отпуск ему обошёлся в кругленькую сумму.

— Гулять так гулять, — сказал себе Сергей, нажимая кнопку «Enter», переводя 10% предоплаты за бронь.

Он с удовольствием отработал до лета, важный объект был сдан заказчику без замечаний. Инженер Погодин с лёгким сердцем в первых числах июня положил заявление на стол удивлённому директору. Андрей Петрович долго уговаривал его, обещал повысить зарплату, но Сергей был непреклонен.

— Ну что же, — сказал начальник. — Вольному воля, — он подписал бумагу и даже пожал руку строптивому инженеру: — Если надумаешь обратно, ждём.

Наверно, Андрей Петрович Порывайло всё-таки был неплохим человеком.

Больше Сергей не видел ни его, ни секретарши Лерочки, хотя о последней иногда вспоминал с улыбкой.

Он снял все накопления в банке. Купил чемодан, по паре светлых рубашек, лёгких брюк и плавок, сланцы и летние туфли.

Ключи от квартиры инженер оставил пожилой соседке Ираиде Семёновне, не для полива цветов, конечно, комнатные растения у него отсутствовали как источники пыли и возможных аллергических реакций. Сергей заходил к ней перед отъездом уже несколько лет, после того, как в одной неудачной командировке украли его сумку и пришлось по приезду ломать дверной замок.

Прощавшись с соседкой, инженер вышел из подъезда. Дул холодный северный ветер с дождём, и он немного озяб без куртки, ожидая застрявшее в пробках такси. Не хотелось обременять себя тёплыми вещами, бесполезными на жарком юге.

Он чувствовал странное ощущение свободы от всего, родные его давно умерли, и, уволившись с работы, он отрезал последнюю ниточку, связывающую его с людьми, которым он был необходим, хотя бы как важное звено для общего дела.

«Дожил Серёжа. Случись что в далёком знойном краю, заметит твоё отсутствие только бабуля из квартиры напротив. Вот так, проживёшь жизнь, помрёшь и сгинешь, никому не нужный. Пора менять парадигму существования, — подумал он с печальной улыбкой. — Обязательно поменяем, но только после отпуска», — инженер стряхнул капли с волос и шагнул навстречу подъезжающей машине.

На стоянке у аэропорта к нему подскочил молодой чернобрый южанин с предложением подбросить до места. Сергей для спортивного интереса поинтересовался:

— Сколько до отеля «Можжевеловый берег»?

— А это где? — задумался таксист.

— Это я у вас должен спросить — где? ... В 10 км к северу от Карджута, — сказал Сергей.

— Недавно, что ли, построили? Сейчас всё меняется, можем и не знать, — заметил брюнет, забивая название в поисковик.

— На сайте пишут, что несколько лет работают, трансфер люди берут, не пользуются вашими услугами, — Сергей отказался от гостиничных транспортных услуг, переписав номера служб такси из интернета, странно, но так оказалось дешевле.

— Мне туристы из «Можжевелового берега» не попадались, — сказал таксист, отрываясь от телефона. — Нашёл я твой отель, полста километров, дорога плохая, серпантин, давай, довезу за пять тысяч.

«Почему вы все такие одинаковые везде: жадные и невоспитанные. Сразу на «ты», — подумал инженер.

Таксист заломил тройной ценник. Даже трансфер был дешевле на полторы тысячи.

— Нет, — отрезал Сергей. — Дорого.

— А за сколько ты хочешь?

— За две хотя бы?

— Э-э, за две тебя никто не повезёт.

Таксист вернулся к кучке коллег, стал что-то шумно возмущённо обсуждать, гость с Севера, по косым взглядам понял: говорили о нём.

— Идите вы, — сплюнул он в их сторону.

За свою разъездную жизнь Сергей хорошо изучил эту породу жадных, беспринципных и иногда опасных барыг. Они стоят у вокзалов и аэропортов, как стервятники, ждут свою добычу — доверчивого лоха с деньгами.

Как-то зимой подвыпивший Сергей вышел ночью из поезда в одном областном центре, не зная города, подошёл к привокзальным таксёрам, спросил: далеко ли до отеля «Комфорт», кажется, так он назывался, да-да, такой вот старорежимный «комфорт» с остановившимся временем, ветхим бельём и туалетом в конце коридора, а забронировала его по телефону главбухша Наталья Ивановна, по заветному списку номеров бюджетных гостиниц. Она сэкономила деньги фирмы, выбирала дешёвые номера, иногда с подселением, как давно это было — ещё до эры карманного интернета.

Водители переглянулись, оценили взглядом покачивающуюся фигуру инженера, пошептались, один вызвался:

— Докину за пятихатку.

— Нормально, — сказал Сергей.

Инженер смутно помнил, как они кружили по ночному городу, но доехали быстро. Он расплатился, собрался с силами и умудрился без проблем заселиться, о чём-то даже пошутить с сонной администраторшей, выдававшей ключ.

Разбудил его локомотивный гудок. Посмотрев в окно, он увидел вокзальный шпиль через площадь. Оказывается, гостиница находилась в ста метрах от железнодорожного вокзала, на который он ночью прибыл. Бессовестный таксист покатал клиента по ближайшим улочкам и влёгкую получил отличные деньги по тем временам: пятьсот рублей, хватило бы на две бутылки коньяка.

Нормальный человек просто бы показал дорогу. Где вы, хорошие люди? Теперь обычные поступки, когда поднимаешь упавшего человека, переводишь старуху через пешеходный переход, воспринимаются как гражданский подвиг, а если окрикиваешь прохожего, выронившего кошелек, тогда тебя можно причислить к лику святых или к слабоумным неудачникам, ничего не понявшим в новых условиях существования большой страны.

Он отвлёкся от грустных мыслей, заглянул в заметки со списком служб такси и набрал первый номер. Девушка-оператор сообщила, что время ожидания машины пятнадцать минут, а стоимость полторы тысячи рублей.

— Полторы? — громко переспросил Сергей, смотря на группу обсуждающих его бомбил. Судя по недовольным жестам и восклицаниям, его услышали. — Спасибо, девушка, — с довольным видом кинул телефон в карман джинсов и отошёл в тень.

Оранжевый седан с фирменным логотипом приехал через десять минут. Водитель, грузный смуглый мужчина в седых кудрях, похожий на грека, в шортах и красной футболке, вышел из машины и услужливо взялся за чемодан.

Больше получаса за окном мелькали кипарисы и виноградники, Сергей мотал головой по сторонам и забыл о своих болячках, так всё было необычно для него, впервые приехавшего в эти места, беспрерывно щелкал затвором фотоаппарата, пытаясь поймать необычное дерево или одинокого ослика в поле. Он ждал появления моря. Кучерявый таксист вежливо молчал, иногда кидая ироничный взгляд на возбуждённого попутчика.

— Море-то скоро увидим? — нарушил молчание Сергей.

— Увидите, не переживайте. Сейчас проедем перевал, и с берегового серпантина откроются замечательные виды по правой стороне, там площадка есть смотровая, я приторможу, — оживился водитель.

— Спасибо, это было бы здорово!

— В первый раз у нас? Меня, кстати, Юрой зовут.

— Сергей, очень приятно... да, в первый, и мне здесь уже понравилось. Странно, три часа назад я был в совершенно ином, дождливом, сером мире с пробками и суетой. Тут всё другое, светлое, такое пыльное и тихое, новое для меня.

— У нас хорошо, — кивнул водитель.

Сергей с интересом разглядывал окрестности, но Юрию хотелось поговорить.

— На северах, наверно, с работой получше, у нас совсем туго, я вот кораблестроитель, судовой слесарь-монтажник, верфи позакрывали, приходится таксовать, туристы спасают, за сезон можно заработать.

— Я тоже технарь, недавно уволился и решил первый раз в жизни отдохнуть. Если честно, на Севере место по специальности с нормальной зарплатой надо тоже поискать, — сказал Сергей.

— Да, живём во время перемен, всем тяжело, — заметил Юрий. — Уже больше трёх десятков лет нам говорят, что надо потерпеть, завтра будет лучше, а люди впахивают на трёх работах, существуют в кредитном ярме и умирают, так и не дождавшись ответа: когда это «время перемен» закончится?

Юрий промолчал, он придерживался нейтральной позиции, а может, просто боялся высказывать своё мнение чужому человеку, хотя у инженера сложилось впечатление, что таксисты — большие спецы в мировой и региональной экономике, политике внутренней и внешней, расстановке сил на международной арене — и, как правило, в поездках затевали длинный монолог о путях страны и само собой могли показать правильную дорогу. Они, конечно, знали, как решить все проблемы, впечатление складывалось, что на работу в службу такси отбирают с дипломом Гарварда, Кэмбриджа или, на худой конец, Высшей школы экономики.

Машина минула перевал, начинался крутой спуск, знаки показывали критические уклоны, водитель не торопился, ехал аккуратно, уверенно заходя в крутые повороты.

— Меня всегда интересовало, где отдыхают люди, живущие на море. Куда вот вы, Юрий, ездите? — спросил Сергей, переводя беседу в бытовое русло.

Таксисту вопрос понравился, улыбнувшись, он сказал:

— На рыбалку... Если человек живёт на курорте, для него это не место отдыха, а вотчина для зарабатывания денег. С мая по начало октября — страда, загорать некогда.... Раньше, конечно, другое дело, когда трудился на верфи, путёвки давали в санаторий, на теплоходах ходил с семьёй в круизы, в столицу летал.

— А зимой в Карджут приезжают люди?

— Зимой здесь пустыня, ни машин, ни людей, но мне нравится. Хорошие места, горы красивые, пляжи уютные. Между прочим, к востоку от вашего отеля в своё время работал закрытый номенклатурный пансионат для партийной верхушки. Выкупил, наверно, уже какой-нибудь частник столичный.

Они проехали мимо огромного радара, размером с трёхэтажный дом, похожего на гигантскую белую миску, окружённую высоким стальным забором, обмотанным колючей проволокой. Жестяные плакаты по периметру предупреждали о запрете прохода и фотосъёмки.

— Интересная хренотень, впечатляет, — заметил Сергей, успевая сделать пару кадров.

— Граница на замке, — хмыкнул Юрий. — Слухи у местных ходят, что побережье за Карджутом теперь в собственности Министерства обороны. Конечно, места рублёвые, генералам тоже отдых нужен, здесь, за горой, мысок удобный, рыбное место. Дальше бухта с мелкой гладенькой галечкой, а вода там — голубая-голубая, наверно, из этих соображений и застолбили землю. Раньше можно было вдоль берега идти-идти, а сейчас только вышел за город, сразу забор, закрытая территория. В море буи уходят, значит, и акватория недоступна. Так и живём... — он осекся и замолчал, как будто сболтнул лишнего.

— Что у вас тут ещё есть интересного и необычного? — нарушил тишину Сергей.

— Из необычного... землетрясения бывают, вёз, кстати, я недавно одного геолога, говорил мужик, что вдоль берега проходит тектонический разлом и будто зашевелился он в последние годы, окрестные сейсмостанции какие-то микротолчки фиксируют. Ещё более здоровая трещина в ста километрах от берега активизировалась, на дне моря зияет. Такие дела. Сказал тот мужик, что в скором времени может капитально землю качнуть.

— И правда трясёт?

— Пару раз было при моей жизни, но давно. Посуда в серванте дрожала, а так без разрушений. Вообще, много говорят про эти места всякой ерунды, на рынок сходишь утром, чего только ни наслушаешься, как в сериале. Помидоры покупаешь, информацию по секрету со сдачей доставляют — якобы уборщица из какой-то военной лаборатории шепнула о скором испытании биологического оружия, — Юрий хохотнул и хлопнул по рулю ладонью. — Так я и представил в секретной палате бабу Зину из Татарского переулка с ведром и шваброй.

— Да уж, — вежливо хмыкнул Сергей. Он, задрав голову, рассматривал высокую красновато-серую стену скальной выемки, разбитую многочисленными трещинами, покрытую крупной сеткой из оцинкованных прутьев в карандаш толщиной, — защитой от камнепада.

— Ещё из свежего, слушайте, — продолжал Юрий, делая вид, что сам, конечно, сильно сомневается в пересказываемой информации. — Разработали, говорят, климатические пушки и сюда привезли. В наших краях испытывают. Типа стреляет такая установка, бах! — вот тебе смерч, ещё разок — гроза пошла. Всё, что хочешь: ливень, снег, град. Иногда не знаешь, что и думать. Действительно, погода стала очень резко меняться. Снега нет и зимой, врать не буду, а вот град с яйцом выпадал, и не раз, а уж молнии стали бить, не дай бог! Раньше я таких сильных гроз не видел. На днях был потоп, по местным новостям сказали: двух человек разрядом убило и кусок берега в море сполз. Как думаете, ставят такие эксперименты?

— В теории всё может быть, облака, во всяком случае, разгоняют перед парадом, — Сергей отвлекся от горы и повернулся к водителю: — Значит, есть способ и обратно тучку в кучку собрать.

Юрий кивнул:

— Доиграются, выпустят джина из бутылки.

Впереди показался просвет, склоны расступались.

Таксист сбавил скорость:

— Так, внимание... Вот вам и море!

Седан вынырнул с выемки и притёрся в небольшой дорожный «карман» на краю обрыва. Сергей вышел из машины и защёлкал затвором.

Перед его глазами открывалась картина, будто сошедшая с рекламного плаката. Слева от дороги возвышалась трёхголовая вершина Белой горы, покрытая до середины склонов густой зеленью, дальше устремлялись крутые вертикали, украшенные естественными барельефами и карнизами из светлого конгломерата.

Справа переливалось долгожданное взволнованное море, вдалеке тёмно-синее, голубое на отмели, с циановой прибрежной полоской, обрамлённой пенными белоснежными гребешками. Между горами и морем складки рыжеватых, выцветших на солнце высоких холмов обрывались к воде разноцветными обрывами: от белых известняковых, красноватых глинистых, зеленовато-серых вулканических до фиолетовых и почти чёрных, сложенных углистыми песчаниками, а над всем этим великолепием возвышалось лазоревое южное небо, и казалось, что оно будет стоять вечно.

— Налюбовались? Поехали, тут близко, — сказал Юрий, выбрасывая окурочек. Всё время, пока Сергей наслаждался видами, таксист курил у машины. Местные красоты его не впечатляли.

Поворот на отель возник неожиданно, без указателя или вывески, узкий незаметный грунтовый просёлок, человек, не знающий точного места, обязательно проскочил бы мимо. Они съехали с трассы, дорога в обрамлении колючих пыльных кустов резкими зигзагами уходила вниз.

— Я почему знаю дорогу, возил сюда гостей, первый раз мимо проехали, пришлось возвращаться, — заметил Юрий, выворачивая руль. — Этот поворот на пионерлагерь «Дельфин» был, раньше указатель висел, а сейчас пусто, шифруются, наверно, для непростых посетителей, — таксист шутливо покосился на пассажира.

— Именно так, — ухмыльнулся Сергей. — Пансионат для очень «сложных» посетителей.

Внезапно за очередным виражом грунтовка упёрлась в высокие металлические ворота, обмотанные поверху колючей проволокой. На бетонированной площадке перед ограждением дежурили два крепких парня в песочном камуфляже, с рацией и кобурой на поясе. Один чоповец держал в руках прозрачный файл с листом бумаги.

Юрий остановился рядом с ними и опустил стекло, впустив в салон волну теплого воздуха, насыщенного запахом можжевельника. Пронзительно стрекотали цикады.

— Документы гостя, пожалуйста, — строго сказал охранник, нагнувшись к окошку и закрыв свет своим широким телом.

— Как у вас тут строго, — Сергей не ожидал, что понадобится паспорт, перегнулся на заднее сиденье за рюкзаком.

Охранник сверился со списком, внимательно осмотрел сидящих в машине, вернул красную книжку и дал команду, нажав на кнопку приёма, сказал:

— Открывайте, код десять.

Когда он ухватил ладонью кирпичик рации, Сергей заметил заживающие ссадины на костяшках кулака.

Ворота сдвинулись в сторону по стальной направляющей, встроенной в дорожное покрытие, и машина въехала на территорию отеля. С другой стороны грунт дороги сменился на бетон, справа у забора находился металлический модуль с небольшими окошками, и дежурили ещё двое вооружённых людей.

— Охренеть, целый контрольно-пропускной пункт! Интересно, для чего такая стража, чтобы на шведский стол враг не пробился? Или лежаки на пляже чужаки в плен не взяли? — ехидно спросил Сергей.

— Охрана, конечно, знатная, зато воров нет, все свои, и местных, действительно, на пляж не пускают. Раньше люди приезжали, я уже говорил, пионерлагерь находился, воротца, конечно, стояли хиленькие, открытые, на ночь только запирались и сторож навеселе, пропус-

кал всех, а теперь другое дело — столичные гости, с деньгами, платят за тишину и спокойствие, — пояснил таксист.

Бетонированная лента за КПП вела прямо к обрыву, впереди синело море, и казалось, что такси сейчас взлетит оранжевой птицей над водной гладью. На самой бровке скалы дорога поворачивала влево под прямым углом и круто катилась вниз. Показались крыши, кипарисы и сады, бетон закончился, все дорожки вокруг у здания отеля были покрыты серой брусчаткой.

Юрий припарковался у входа.

— Приехали, с вас тысяча пятьсот.

— Спасибо большое, — инженер протянул таксисту двухтысячную купюру, — сдачи не надо, было очень интересно.

— Благодарствую, вот карточка с моим личным номером, может, захотите прогуляться по красивым местам, к водопадам или в горы, дешевле выйдет, если напрямую позвоните, то приеду на своей машине.

Сергей взял визитку, махнул рукой уезжающему таксисту, тот посигналил в ответ. Поднял чемодан и дёрнул тяжёлую дверь в бронзовой окантовке.

Его встретил прохладный полумрак просторного холла с белыми мраморными колоннами. За стойкой он увидел бледную девушку в чёрном платье в горошину.

— Здравствуйте, — она равнодушно посмотрела на гостя.

Сергею показалось странным, что администратор даже не выдавила из себя дежурной улыбки.

— Добрый день, моя фамилия Погодин, я забронировал на два месяца номер люкс с видом на море, — сказал он, доставая прозрачный файл с деньгами и документами.

Девушка взяла у него паспорт и открыла толстый журнал в кожаном переплёте.

Инженер встал на цыпочки и поискал глазами компьютер, ноутбук, принтер, факс или какую-нибудь другую оргтехнику, ничего такого за стойкой не было, только винтажный проводной телефон кофейного цвета, даже не кнопочный, а с блестящим никелированным диском для набора номера.

Администратор переписала паспортные данные и прописку гостя в солидный кондуит.

Сергей положил на отполированную поверхность пачку денег, после расчёта у него осталось пятьдесят тысяч наличными и десятка на карте, его заранее по телефону предупредили, что расчёт лучше производить наличкой.

Девушка пересчитала купюры, достала из крайней боковой ячейки за спиной ключ с брелоком в виде деревянного кругляша, вероятно, изображающего морскую гальку.

— Ваш номер 710, на седьмом этаже, там вас ждёт комплимент от отеля, местное вино и фрукты. Эта услуга предоставляется ежедневно.

— А если я не пью вина, можно взять напитками потяжелее? — улыбнулся он.

Администратор, будто не услышав шутки, продолжала:

— Завтрак у нас с полвосьмого до десяти, обед — с часу дня до трёх, а ужин — с семи вечера до девяти.

Отдавая ключ и паспорт, она изобразила нечто вроде улыбки:

— Приятного отдыха, Сергей Васильевич.

Он взял чемодан и двинулся к лестнице, но вдруг вспомнил что-то важное, вернулся.

— А пароль от вайфая не подскажите? — задал Сергей дежурный вопрос и получил на него совершенно неожиданный ответ:

— У нас нет вайфая.

— Что значит — «нет». На сайте отеля написано, что на всей территории ловит интернет! — возмутился Сергей.

— Нет, такая информация на сайте не может появиться, поскольку сеть отсутствует, — ответила девушка, равнодушно глядя ему в глаза.

— Как отсутствует, я точно помню, знаете, какая у меня память? Я чертежи запоминаю с размером с этот стол, — разгорячился он, вытащив из кармана смартфон. Его мобильный оператор обещал надежное 4G покрытие всего этого курортного района. Включив передачу данных, он вбил название отеля. — Сейчас я вам найду, надо же — «отсутствует», вы за кого меня тут держите?

Телефон показал перечёркнутое облачко: «Нет подключения к интернету».

— Что за ерунда? — Сергей проверил настройки, попробовал ещё раз — безрезультатно! Посмотрел на экран и внезапно обнаружил, что в верхнем левом углу нет значка сети, связь не ловит, ни одной палчонки!

— Что здесь происходит? У вас и связи нет?

— Почему нет, — она показала на старинный телефонный аппарат у себя на столе. — Если вам надо, звоните, пожалуйста, в любое время.

— Девушка, у вас есть жалобная книга? Это же, бляха, извините, исторический момент, я готов первый раз в жизни написать претензию!

— Пишите, — девушка равнодушно достала толстый обтрёпанный том и придвинула его к нервному клиенту.

Внезапно на стене за стойкой, слева от ячеек с ключами, приоткрылась дверь, которую Сергей не заметил сначала. Из светлого проёма, за которым открылась обширная комната, с мелькнувшими огромными шкафами, выплыла пожилая женщина с идеальной осанкой, тоже в чёрном платье, и тоже в горошину. Встала рядом с девушкой.

— Я старший администратор, у вас какие-то вопросы? — спросила она спокойным умиротворяющим голосом.

Сергей рассмотрел, что кружочки на ткани у старухи поменьше, взглянул на её белёсые глаза с желтоватыми белками, толстым слоем напудренное лицо, и почему-то ему стало всё равно, есть ли тут связь или нет: «Кому ты вообще собрался звонить, соседке Ираиде?»

— Нет, всё в порядке, прошу прощения, — он взял вещи и повернулся к лестнице.

Здание располагалось на крутом косогоре, наверно, поэтому лифт в гостинице отсутствовал.

Сергей поднялся на четвёртый этаж, с лестничной площадки открывалась широкая двустворчатая дверь во внутренний, утопающий в зелени, двор. Поставив чемодан, он заглянул в сад с экзотическими южными растениями, пальмами, суккулентами, деревьями с широкими кожистыми листьями и пахучими яркими цветами. Отель, впечатляющий с фасада, со двора казался маленьким и уютным.

Склон горы был закрыт подпорной бетонной стеной, скрытой за живой изгородью из колючих кустов и кипарисов, где-то там выше находился пропускной пункт и, судя по высоте укрепления, попасть на территорию отеля со стороны гор, минуя КПП было невозможно без альпинистского оборудования.

Сергей поднялся на свой этаж, прошёл в конец коридора, выложенного мраморной плиткой.

Номер оказался просторным, как городская квартира Сергея, с видовым окном в пол в сторону моря и балконом, выходящим в сад. Оставил ботинки у двери и прыгнул на огромную кровать — красота! В таких апартаментах, за свой богатый командировочный стаж, инженер Погодин никогда не жил.

— Начинаем отдыхать, — прошептал он, расстёгивая на груди рубашку.

Скинув одежду, он подошёл в трусах к большому зеркалу у двери и с грустной усмешкой покачал головой:

— Душераздирающее зрелище.

Попытался втянуть разъеденный язвами белый живот, зажал ладонями рыхлые бока.

— Ну что же, не всё потеряно, с завтрашнего дня надо заняться прессом и, главное, меньше жрать!

Инженер в своё время был в хорошей форме. В тренажёрный зал ходить стеснялся, но усиленно занимался дома с гантелями и двухпудовыми гирями, правда, показывать накачанное тело было некому. Со временем работа вытеснила все желания, вечером в перерывах между командировками ничего не хотелось, кроме пары пива и нового сериала. В итоге заброшенное железо пылится за шкафом уже несколько лет, на весы Сергей старается не вставать, и когда, последний раз он попытался взвеситься, электронное табло под ногами высветило совсем уж неприличное число.

Он прогулялся по номеру, заглянул в корзину с фруктами. Между апельсинами и связкой бананов призывно торчало винное горлышко.

Достал из чемодана резиновые шлёпанцы, светлые хлопчатобумажные штаны и новую рубашу. Облачился в пляжный наряд и подмигнул зеркалу:

— Эй, бичбой, а не зайти ли по винцу?

Выяснилось, что горлышко из корзины принадлежало бутылке местного портвейна.

— Сахару-то, сахару! — информация на этикетке гласила, что содержание белой смерти в напитке больше ста грамм на литр. — Да и хрен с ним!

Сергей взял штопор, предусмотрительно оставленный на видном месте, между двумя бокалами, откупорил вино и щедро плеснул золотистой вязкой жидкости.

«Видел бы мой дерматолог, что сейчас произойдёт», — он осушил ажурную ёмкость одним глотком, напиток приторно-сладкой волной разошелся по телу, и если бы его эндокринная система могла говорить, она бы закричала в этот момент: «Дебил, не делай этого!».

Сергей выпил ещё пару бокалов, поставил чемодан в шкаф, взял пляжное полотенце и закрыл номер.

Вышел через сад, спустился по лестнице на дорожку, вымощенную плиткой, кованный указатель в виде чугунной стрелы в пасти дракона, установленный в клумбе с розовыми кустами, направил его в левую сторону, к аллее, выведшей Сергея вниз, ко второму корпусу отеля, вдоль которого протянулся широкий променад, обрамлённый со стороны залива бело-снежной мраморной балюстрадой. Он погладил перила и пузатые кегли балясин: «хм, действительно, каменная... не гипс... представляю, сколько стоила эта дорожка».

Справа, на первом этаже отеля, витринами к прибрежной зоне располагались сувенирные лавочки, кафе, аптека:

— «Может, здесь найдётся вайфай?», — подумал он пересекая перспективу, вытаскивая из кармана телефон, но, увы, список доступных сетей был непривычно чист.

«Будто в прошлом оказался, как они здесь живут, ладно, туристы на пару недель приехали, экзотика, а молодой персонал на весь же сезон попадают с мая по октябрь, без соцсетей и видосов, одичают же? Хотя... — он вспомнил случай, когда забыл мобильный телефон в командировку. Ничего, выжил, трудно только первые три дня».

Сергей завернул с променада, по широким ступенькам сбежал к галечному пляжу и, маневрируя между шезлонгами, осмотрел загорающую публику. Больше половины лежачков занимали толстые дамы к пятидесяти и старше, с необъятными талиями, в широкополых бело-снежных соломенных шляпах, и их пузатые мужья, на фоне последних инженер выглядел Аполлоном Бельведерским. Семейные пары с детьми плескались у берега, молодёжи было совсем немного, возможно, серьёзный ценник курорта вносил коррективу в возрастную структуру приезжающих гостей, или отсутствие связи и интернета сыграло свою роль. Хотя Сергей готов был поклясться, что на сайте отеля была информация о вайфае на всей территории.

Внимательным взглядом фотографа-любителя, не имевшего близкого контакта с противоположным полом уже очень долгое время, он выцепил из блестящей целлюлитной отдыхающей массы несколько волшебных женских силуэтов. Вздохнул и неловко побрёл прочь по

неровному грунту, в сторону от недоступных для закомплексованного, расчѐсанного, морально и физически раздѐрганного мужчины, упругих разгорячѐнных тел, подальше от лежаков и посторонних глаз.

За последней бетонной буной галька сменялась валунами, глыбами известняка, песчаника и гранита, начинался коренной берег. Отвесная скала из сцементированного валунно-галечного конгломерата упиралась в море, за ней были видны чѐрные безлюдные молы и силуэты кипарисов, но пробраться туда по суше было невозможно.

Сергей оглянулся назад к пляжу, никто за ним не следил. Он скинул одежду и тапки, показал солнцу свои болячки.

Его врач сказал: — На юге должно всё пройти!

— Выручай, солнышко!

Раскалѐнные камни жгли пятки. Сергей быстро враскорячку поковылял к воде, тронул нагретой ногой, на контрасте вздрогнул от холода, неловко зашѐл в пенный прибой по пояс:

— Баба сеяла горох и сказала деду: — Ох! — он выдохнул и присел, а потом, оттолкнулся от дна и прыгнул вперѐд, задрал голову, боясь, чтобы волной не плеснуло в лицо и не смыло линзы, поплыл, еле-еле по-собачьи. А ведь он никогда не купался в море, он вообще мало имел дело с водой, ещѐ маленького в деревне бабушка его научила плавать на речке, пару раз взрослым в командировках он окунался в ближайших водоѐмах, как всегда, вдали от людей, вот и всё.

Море приняло его, оно оказалось очень тѐплым и уютным, защипали язвы и царапины, не очень больно, терпимо, а потом, когда привык, даже приятно. Инженер, сколько мог, плавал, потом выбрался и сел на красноватый гранитный валун, скрытый под водой. Волна накатывала, ласкала тело, обмывала его до шеи и уходила обратно в море. Инженер Погодин смеялся, как ребёнок, ему никогда не было так хорошо. Он опустил ладони на колени, долго рассматривал свою белую сморщенную от воды кожу на ладонях со следами от детских порезов, наклонился, лизнул воду, «ведь и правда, солѐная», зажмурившись, опустил лицо в прозрачную влагу и прошептал:

— Спасибо тебе, море.

Глава вторая

*Случай — это обличье,
которое принимает Бог,
чтобы остаться инкогнито.*

Жан Кокто

Заканчивалась первая неделя Сергея на курорте. Время медленно просачивалось тёплым горько-сладким портвейновым потом через его подсыхающие язвы, светлую ткань мешковатых рубаш и штанов.

Монотонная овощная жизнь была для него в диковину. Инженер просыпался, спускался на завтрак, потом уходил к морю, в час дня обедал, спал, ужинал, вечером выпивал полбутылки портвейна, ждал, когда зайдёт солнце и гулял по променаду, стараясь ходить по неосвещённой стороне, а уже ночью, перед сном, купался на пустынном пляже. Долго стоял в тёмной воде у берега, смотрел на гаснущие окна отеля. Люди засыпали, а он перебирал ладонями тёплую приятную влагу, иногда чувствуя лёгкие прикосновения медуз.

Сегодня солнце скрылось за тучами, юго-западный ветер разгонял большую волну. На пляже вывесили красный флаг, и молодой мужчина-спасатель ходил с громкоговорителем, предупреждал об опасности, правда, его мало кто слушал.

«Белая, белая солёная пена, заряженная силой моря и шрапнелью серой гальки, выбивает на спине радостное фламенко, оставляя синяки и ссадины, соскабливая липкий нагар проблем и невзгод. Это ли не счастье?» — инженер припомнил цитату, которую прочёл у товарища на странице в социальной сети. — Может, счастье именно такое? Это про меня сейчас, надо в заметки тиснуть, только телефон, в отличие от морской пены, давно разряжен, — он сидел под ударами стихии на своём любимом валуне, лицом к берегу, наслаждался отдыхом, за эти дни научился не думать о работе и строил планы только до ближайшего приёма пищи.

Волна накрыла Сергея с головой, сбила с камня и протащила от берега, он кувыркался в отливной пене, больно ударился ребрами. Вылезая из воды и кряхтя, посмотрел в сторону отдыхающих: «Никто не видел его падения? Конечно, всем наплевать на странного, избегающего общества мужика...»

Хотя три дня назад одна рослая дама сама перетаскала лежак за крайнюю буну, ближе к его камню. Когда он повернулся, она махнула рукой и сказала:

— Замечательное место, и вода здесь чище, чем на пляже, правда?

Сергей заволновался, кивнул ей в ответ, тихонько спустился в воду, а потом, быстро одевшись, пошёл в номер — ждать обеда. Обходя шезлонг, он не удержался, бросил взгляд на свою любопытную соседку, и сжалось сердце: она улыбалась ему, пряча глаза под тёмными очками.

«Видно, совсем здесь плохи дела с одинокими мужчинами, раз я попал в круг её интересов».

За секунду он рассмотрел вишневый цвет ногтей, полные бёдра, круглые колени, выпадающую из красного купальника тяжёлую грудь, с капельками пота и голубыми прожилками на белоснежной прекрасной поверхности, с мягкой складочкой живот, розоватая кожа, ещё не прокоптившаяся на палящем солнце, выдавала в ней недавно приехавшую отпускницу. Его бросило в жар: «Ну, скажи что-нибудь ей».

Не сказал... Он молча прошёл мимо, запоминая всё роскошество новенькой отпускницы.

Инженер оставлял в памяти такие зарубки и в минуты отчаянного и невыносимого желания, перебирал мысленную колоду претенденток на виртуальную близость, фантазия развилась от этих упражнений, и иногда, забываясь, он думал, что предмет его вожделения сейчас рядом с ним физически. В тот вечер, в своём номере, он любил незнакомку в красном купальнике,

правда, она об этом не подозревала. Сергей уже не стыдился самоудовлетворения, как в подростковом возрасте, и не изучал свои руки, боясь увидеть волосы на ладонях. Акт мастурбации стал необходимой обыденностью, и часто без этого он уже не мог заснуть.

На следующий день у моря он надеялся увидеть на старом месте вчерашнюю фемину, но, увы, дама с вишнёвыми ногтями вычеркнула неразговорчивого и нелюдимого чудака из своего списка.

Волна билась всё сильнее, камни с шуршанием двигались за отступающим потоком воды. Инженер пощупал ушибленный бок: «На сегодня хватит, ещё не хватало переломать рёбра».

Увидев открытую дверь в свой номер, он не удивился.

— Здравствуйте, Сергей, что-то вы рано сегодня? — спросила убирающая комнату темноволосая девушка с бэйджиком на синем переднике.

— Доброе утро, Анфиса, штормит, да и солнце пропало, — поприветствовал инженер горничную как хорошую знакомую.

Утром, на второй день по приезду, возвращаясь с завтрака, он помог ей тащить тюки с бельём на седьмой этаж. Девушка оказалась очень разговорчивой, сообщила: её зовут Анфиса, без лифтов за день набегаетесь, ноги дрожат к вечеру, работы много, а персонала мало, зарплата тоже не фонтан, постояльцы привереды... и с неожиданной простодушной прямоотой спросила его, только что скинувшего груз с распаренного плеча:

— Это у вас случайно не лишай на шее и на руках? У моего брата похожие пятна были, попробуйте салициловый спирт, сразу всё пройдет.

Как ни странно, нетактичный вопрос разрядил обстановку, инженер перестал стесняться и расслабился.

— Нет, Анфиса, это не лишай — это обмен веществ у меня плохой, сладкого нельзя и много чего другого, лучше вообще ничего не есть, нервничать тоже нежелательно... меня Сергей, кстати, зовут.

— Бедный, как же вы живёте, может, всё-таки есть средство?

— Может, и есть, но я пока не нашёл.

Так они и познакомились. Анфиса всю неделю как будто специально выбирала время уборки или смены белья, когда он присутствовал в номере, вот и сегодня она словно ждала и залетела в комнату перед его приходом.

«Может быть, я ей понравился?.. Господи, Серёжа, хватит мечтать, посмотри на её лицо, ноги... Она хоть и простая девушка, может, и необразованная, но красавица, чем-то на Лерку, кстати, похожа, такая же жизнерадостная. Эта уборщица не твоего полёта... и что она здесь делает — непонятно, с внешними данными ей прямая дорога в фотоагентство — моделью».

Сергей поймал себя на мысли, что обрадовался девушке.

— Анфиса, спасибо, не надо, чисто вроде.

— Всё-таки я протру, быстренько.

— Ладно, я не мешаю?

— Да ну что вы!

— Какие новости? Есть интересные клиенты? — спросил Сергей, доставая из холодильника початую бутылку портвейна.

— Всякие, — она посмотрела на вино в руках у постояльца. — Сегодня убиралась на третьем этаже, такой бардак, тихий ужас! Вчера приехали две пары семейные, вроде взрослые люди, а наблёвано, как у малолеток, пустых бутылок целая батарея. Видно, очень обрадовались, что живые прилетели, стресс снимали. Так напились, что даже, извиняюсь, насрали в биде.

— Ужас, Анфиса, вы шутите?

— Какие уж тут шутки.

Сергей представил картину безудержного веселья, не выдержал и засмеялся.

— Ничего смешного, — серьёзно сказала девушка, намывая пол.

— Извините, Анфиса, люди вырвались на свободу. И часто такое бывает?

— Слава богу, нет. В мае приезжал один важный, семечки прямо на пол грыз, по всему номеру кожура, как гопник перед подъездом, считал, видно, что раз заплатил, можно гадить — обязаны убрать. Дамы тоже столичные придирчивые, полотенца да бельё специально измажут всякой гадостью, приходится каждый день менять, а не заметишь — сразу жалоба, скандал, — горничная закончила уборку, собрала инвентарь.

— Вот вы, Сергей, у меня самый лучший клиент, можно сказать, чистюля и непривередливый, мусор свой выносите.

— Анфиса, полегче, захвалите, а завтра в биде сюрприз.

Она засмеялась, махнула рукой:

— Скажете тоже.

— Может, присядете, отдохнёте, я вам винца налью, — Сергей показал на бутылку.

— Я бы с удовольствием, но нам нельзя, видели, на вахте старую тётку? Администраторша наша главная, учует запах, сразу уволит, а работу за такие деньги в Карджуте не найти.

Анфиса так и не присела, встала посреди комнаты и что-то ещё рассказывала Сергею, а он любовался ею и не торопясь пил вино. Уходя, она вдруг вспомнила:

— Совсем забыла рассказать, позавчера вечером постоялец опять умер, дяденька лет пятидесяти. Говорят, и болел недолго. Искупался, домой пришёл, плохо себя почувствовал, сознание потерял, да так и не очнулся.

— Вы говорите: «опять»?

— В сезоне уже третий мертвец, только это секрет!

— Я — могила. Наверно, резкая смена обстановки повлияла, давление скакнуло, а может, пил много?

— Может, и пил... мне пора, и так у вас засиделась, а работы ещё ого-го! До свидания!

— До свидания, Анфиса, спасибо большое за уборку, до завтра.

Ежедневный «комплимент» отеля в виде бутылки портвейна не способствовал заживлению язв, ночью Сергей раздирал себя до крови. Он разумно связал реакцию с большим потреблением сладкого вина. Однако не захотел отказываться от спиртного, тем более бесплатного, в данном случае философский вопрос: «Пить или не пить?» — при всех вводных факторах — «плохо для кожи и здоровья», «обострение болезни», «некрасиво», «язвы, потом хрен заличишь» et cetera и абсолютное «нельзя пить», «нет!» организма и разума, из трансцендентного подсознательного мира получал ответ: «ДА!». Он пил портвейн, глотал таблетки, ложился спать. Сегодня перед сном он выковырял из серебристой мятой пластины последнее колесо и решил сходить до гостиничной аптеки. Тёплый влажный воздух накрыл Сергея на выходе, и пока он спускался до променада, взмок от пота насквозь. Звёзды скрылись за тучами. Он заскочил по дороге в кафешку и заказал пива у молодого худенького паренька за стойкой с бейджем «Натан». Оставалось полчаса до закрытия. Работали кондиционеры хорошо. Проходя к бару, он заметил за столиком свою соседку по морю, лак на ногтях уже был не вишнёвым, а ярко-розовым, она любезничала с каким-то плотным загорелым «перцем» в голубой робе персонала отеля, сама уже тоже изрядно посмуглевшая. Покосилась на Сергея и засмеялась в голос. Инженер двумя глотками проглотил пиво, расплатился и нырнул в ночную духоту.

Открыв дверь в аптеку, он прищурился от яркого света. За стеклом стоял широкоплечий короткостриженный фармацевт в белом халате, больше похожий на спецназовца или медбрата из психиатрической лечебницы.

— Здравствуйте, мне по этому списку отпустите, будьте добры, — он сунул в окошко ламинированную картонку с напечатанными названиями препаратов.

Многоразовую картонку он сделал несколько лет назад, устав объяснять в аптеках, что ему нужно, особенно когда за спиной подпирает длинная очередь из нервных граждан.

— Добрый вечер, секундочку, — сказал продавец, взял список с лекарствами и ушёл куда-то в глубину помещения.

Его не было минут десять, Сергей изучил за это время ассортимент, выложенный на застеклённых витринах, тут были в основном защитные средства от ультрафиолета, крема и спреи для кожи, целый лоток разноцветных коробочек с презервативами. Он присел на стул рядом с прицепленным тонометром, измерил давление, несколько попыток показали совершенно разные результаты. Наконец, фармацевт появился, но это уже был другой человек, не здоровенный амбал во врачебной форме, а сухощавый старик в очках.

— Здравствуйте, Сергей Васильевич, мы нашли средство от вашего недуга, — сказал он, кладя серую коробочку и картонный список на прилавок.

— Здравствуйте... — Сергей оторопел от неожиданности. — Откуда вы знаете, как меня зовут?

— Наша работа такая... ну как бы вам объяснить, территория закрытая, мы всё-таки не только аптека, но и пункт оказания первой помощи, со стойки администратора приходят данные обо всех приезжающих, мы после брони заранее делаем запрос в Министерство здравоохранения, чтобы пробили по базе о возможных хронических заболеваниях гостя. Забавно, но когда помощник принёс вашу картонку с лекарствами, я сразу понял, что в гости наконец-то заглянул Сергей Васильевич, поймите, мне достаточно взглянуть на лекарства, принимаемые вами, и я скажу — кто вы.

— Это законно, вообще?

— Может быть, не совсем, но для нас главное — безопасность гостей, мы покупаем нужные препараты заранее, мало ли что с вами может здесь случиться, администрация не хочет проблем, — старик улыбнулся, показав фарфоровые зубы. — Вот, рекомендую, абсолютно новый препарат, очень эффективный, по одной таблетке перед сном, и никакого зуда, раздражение снимает как рукой... но правила знаете, без алкоголя и других веществ, — он подвинул упаковку к окошку.

— Нет, вы лучше дайте мои лекарства.

— К сожалению, их нет у нас, — вздохнул фармацевт.

— Как же так, вы сами сказали, что готовитесь к приезду гостей с хроническими заболеваниями? — раздражённо спросил Сергей.

— Вот мы и приготовились, это самое лучшее средство, уверяю вас, оно прошло все проверки и сертификации.

— Ладно, давайте, — Сергей заплатил и сунул в карман коробку и картонку. — До свидания!

— Доброй ночи, Сергей Васильевич, — попрощался старый фармацевт.

Инженер проснулся от всполохов молний, подошёл к окну. Странно, как будто выключили звук, сверкало за окном без грохотанья, только ливень шуршал за окном.

Нащупал в темноте новое «лучшее средство».

— Значит, говорите, таблеточку?

Сергей порвал коробку, там была всего одна полоска с пятью большими таблетками, выдавил из фольги колёсико, закинул в рот. Приятно онемел язык и горло. Упаковку смял в комок, выкинул в никелированную мусорную корзину с расстояния нескольких шагов, попал и хлопнул в ладоши:

— Трёхочковый!

Он подождал немного, зуд не проходил. Сергей положил под язык ещё одну таблетку, запил портвейном и через минуту ощутил холодок под всей поверхностью кожи, которая как будто немного отошла от мышц и костей, а пространство между заполнилось ментоловым освежающим гелем. Он потрогал красную бляшку на локтевом сгибе, язва была чужая, не его, не чувствовалось покалывания и раздражения, совершенно не хотелось, как обычно, сжать руку, впиться ногтями и чесать, чесать.

Опять сверкнуло, и прилетел звук грома, гроза двинулась ближе.

— Хорошие таблеточки, фармацевт был прав, — прошептал Сергей, достал ещё одну, повертел в руках:

— Ну а что, вроде всё хорошо, помогает.

«Знал бы старичок», — усмехнулся он про себя, проглатывая лекарство с большим глотком вина.

Сергей стоял перед окном в грохоте и отсветах молний, раскалывающих свод на множество обломков, ослепляющие молнии бились в чёрную водную гладь изломанными копьями, и казалось, небо убивало море, ещё и ещё раз.

Такие грозы Сергей видел только по телевизору в передачах о тропических странах. Ливень за окном усилился, стекло покрылось сплошным слоем текущей воды, за разводами которой очертания электрических небесных дуг расплывались в золотые ручьи и брызги. Гром стихал, а молнии всё сверкали и сверкали вдалеке, пока их вспыхивающие размытые силуэты не растаяли на горизонте. Снова сомкнулась темнота. Дождь слабел, капли уже не колотили по крыше и плитке, а монотонно шуршали. Небесный раствор шептал инженеру про важные вещи, возможно, предупреждал о чём-то, но тщетно — человек не понимал язык дождя.

Сергею показалось, что море меняет цвет, он протёр очки и открыл окно. Действительно, море осветилось странным светом: голубоватые, золотистые, розовые и зеленоватые всполохи кружились в завораживающем танце, сливались в мерцающие сферы и внезапно распадалась, как шарики ртути при сотрясении, на много мелких волшебных фонариков. Спать расхотелось, он решил сходить на берег и посмотреть ближе, включил свет, осушил ещё стакан. Одевшись, он спустился по тёмной лестнице и вышел со двора. Вдохнул влажный, тёплый воздух, пахло цветами и можжевельником. Дождь закончился, в темноте было слышно, как по дорожкам и водосливам журчала небесная влага, вниз, к морю, торопясь разбавить солёный прибой. Отель определённо экономил на электричестве, красивые чугунные фонари не горели. Сергей включил экран телефона и осторожно, чтобы не поскользнуться на мокрой плите, двинулся вниз в сторону берега.

Выйдя на широкую аллею, спускающуюся к морю, он оглянулся назад, тёмная громада отеля нависала над ним, все, кроме него, спали, даже в холле было темно.

«Наверно, они не ждут сегодня новых гостей?»

На седьмом этаже в его люксе горел оставленный свет, и ему показалось, что кто-то стоит у открытого окна, он снял и протёр ещё раз рубахой очки, нацепил на нос — нет, никого не было.

Сергей немного постоял, задрал голову, наблюдая за своим номером, видно, как шевелилась занавеска от ветра.

«Сквозняк», — решил он, проходя к воде мимо шеренг белых шезлонгов, блестящих от дождевой воды, расставленных по линейке заботливым персоналом.

Вблизи мерцающие переливы моря ещё больше завораживали, казалось, под водой у берега кто-то, обвешенный неоновыми лампами, танцует под медленную, неслышную, но, наверно, чудесную музыку. Он выключил фонарь, пустынный пляж освещался только морским огнём. Возбуждённый, не веривший своим глазам, посмотрел по сторонам, хотелось поделиться впечатлениями, но, увы, он был единственным свидетелем этого чуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.